

— Старик, что с тобой?!

Старая госпожа Цзян, не дождавшись мужа внизу, поднялась в кабинет. Старый господин Цзян бессильно полулежал в кресле, прижимая руку к груди. На полу россыпью валялись таблетки для экстренной помощи. Женщина с криком бросилась к нему.

— Папа! — Цзян Бо, вбежавший следом, побледнел. — Я сейчас же вызову скорую!

— Не надо... — едва слышно прошелестел старик, пытаясь его остановить. — Я в порядке...

— Да о чём ты говоришь, старый упрямец! — В глазах старухи стояли слёзы. В этот миг ни дочь, ни внук не имели значения — лишь бы выжил тот, с кем она делила жизнь десятилетиями. — Сяо Бо, живо, вези его в больницу!

Лицо господина Цзяна было серым, безжизненным. Он прикрыл глаза, понимая, что сопротивляться бессмысленно, и лишь едва слышно проговорил:

— Не смейте... не вздумайте вмешиваться в дело Юйцзинь. И пусть старший возвращается. Он должен знать правду. Ведь он...

Договорить старик не смог — ему было невыносимо стыдно. Он знал, что Цзян Хун все эти пятнадцать лет не мог оставить надежду найти сына. Как тот примет это известие? Все эти годы старший брат заботился о семье сестры, а она в ответ вонзила ему нож в самое сердце.

Цзян Бо судорожно вздохнул и посмотрел на приёмную мать. Но та, охваченная паникой, уже ничего не хотела слышать.

— Хорошо, хорошо, я ни во что не буду лезть! — запричитала она. — Я сейчас же позвоню старшему, пусть едет домой. Только ты держись, старик, умоляю.

Лицо Цзян Бо стало ещё мрачнее. Он предпринял последнюю попытку:

— Но как же Сяо Бай?

— Ты хочешь свести отца в могилу?! — взорвалась старуха, впервые сорвав злость на приёмном сыне.

Старый господин Цзян с трудом открыл глаза и тяжело посмотрел на Цзян Бо:

— Отправь его за границу! Вы же сами твердили, что там медицина лучше. Пусть едет лечиться. А ты, Сяо Бо, лично проследишь за этим.

В это время старику казалось правильным, чтобы и его третий сын покинул столицу. Хотя в последние годы он мало вмешивался в дела, старик прекрасно понимал: Сяо Бо слишком привязан к племяннику. В конфликте между Сяо Баем и тем внуком, которого они почти не знали, Сяо Бо, не раздумывая, встал бы на сторону первого. Ему и гадать не нужно было, на чьей стороне он окажется.

В этот момент в комнату вошла служанка:

— Звонил губернатор Цзян. Сказал, что самолёт приземлился, он уже в пути.

Кулаки Цзян Бо невольно сжались. Цзян Хун вернулся слишком быстро — значит, он уже всё знает. Проклятье. Похоже, путь один: увозить Сяо Бая как можно скорее.

Он скрыл ярость за маской покорности и тихо ответил:

— Хорошо. Как только устрою отца в больницу, я заберу Сяо Бая. Пусть за границей ему обеспечат лучший уход.

Старый господин Цзян наконец облегчённо выдохнул, хотя сердце всё ещё отзывалось резкими толчками боли. Решение далось ему нелегко, но он ясно видел: теперь между Цзян Хуном и Юйцзинь пролегла пропасть. Старший брат никогда не простит сестру.

***

Вэй Сянжун обрывал телефон Цзян Бо, но тот не брал трубку. Мужчина мерил шагами кабинет, едва сдерживая дрожь. Он прекрасно понимал: его нынешний успех и влияние держались исключительно на поддержке семьи Цзян. В этом крае каждый считался с ним лишь потому, что за его спиной стояли такие люди.

Пусть за глаза его называли приживалой, он терпел. Без преданности Цзян Юйцзинь он никогда бы не достиг нынешних высот. Именно поэтому он годами был готов потакать ей.

Но теперь она же стала причиной его краха.

«Проклятая дура! — кипело в его голове. — Если бы я только знал, что она задумала...»

Будь она умнее, она бы сделала всё чисто, не оставляя следов. Но её непомерная гордыня подвела её. Оставить такой компромат, доступный любому... Теперь вся страна клеймила её как самую ядовитую золотку.

Если Юйцзинь падёт, Вэй Сянжуну не поздоровится. Оставалась одна надежда: что Цзян Хун ради родного племянника не станет уничтожать корпорацию «Вэй». Вэй Цзябай должен жить — он был единственной нитью, всё ещё связывавшей семьи Цзян и Вэй.

Когда Цзян Бо наконец перезвонил и сообщил о решении семьи, Вэй Сянжун согласился без колебаний. Так, ничего не подозревающий Вэй Цзябай оказался на борту самолёта, летящего в другую страну. Мальчик капризничал, не понимая причин спешки, а Цзян Бо терпеливо его успокаивал.

***

Навестив отца в больнице, Цзян Хун сразу направился в полицейское управление. Он хотел лично взглянуть в глаза сестре и спросить: из чего же сделано её сердце, раз она так обошлась с его ребёнком?

Начальник управления встретил губернатора лично. Понимая всю деликатность дела, он беспрепятственно проводил его к камере.

— Она там, — сообщил начальник. — Постоянно шумит, требует, чтобы её выпустили, и зовёт старого господина и старую госпожу.

Цзян Хун шёл по коридору с тяжёлым лицом. С момента получения новостей он не отдыхал ни минуты, его глаза покраснели от недосыпа.

— Кто-нибудь навещал её?

— Только адвокат. Больше никто.

— Хорошо. Я войду один. Подождите снаружи.

Мужчина толкнул дверь. Цзян Юйцзинь, уже охрипшая от криков, сидела на скамье. Услышав звук, она вскинула голову. Увидев брата, она на миг забыла, чьего именно сына она погубила, и бросилась к нему, но наручники резко дёрнули её назад.

— Брат! Наконец-то! Прикажи этим людям немедленно меня выпустить! — взвизгнула она. — Это всё та дрянь, Ся Минфэн, подстроила! Я же говорила тебе бросить её давным-давно, почему ты не слушал? Посмотри, до чего она меня довела! Брат, я не хочу здесь оставаться. Выйди и скажи им, что они пожалеют, если посмеют тронуть кого-то из семьи Цзян!

Цзян Хун смотрел на неё с горьким изумлением. Он годами работал в других провинциях, возвращаясь домой лишь на праздники. Он знал, что сестра избалована, но не представлял, что её безумие зашло так далеко.

Все его старания, все попытки сохранить величие рода казались теперь бессмысленными, если за его спиной творились такие мерзости. Он чувствовал, что ему лучше бы поскорее уйти в отставку, лишь бы не позорить имя на старости лет.

— Юйцзинь, я спрошу лишь об одном: это ты подкупила няню, чтобы она унесла Чэньчэня?

Видя, что брат не спешит исполнять её приказы, женщина вскинула подбородок:

— Да, я! И что с того? Почему он должен был жить, если его родила эта тварь? Я хотела, чтобы она на своей шкуре узнала, что такое настоящая боль. Она возомнила, что может помыкать мной в моём собственном доме?! Если бы ты не был таким тряпкой и слушался меня, у тебя бы уже давно был другой сын. Это она привязала тебя к себе, да?!

Цзян Хун зажмурился. Разочарование и гнев душили его. Она призналась. Сама, без тени раскаяния. Ся Минфэн никогда не пыталась ею помыкать — Юйцзинь просто ненавидела любого, кто не подчинялся её воле.

— Это был ребёнок Минфэн, — тихо проговорил он, — но он был и моим сыном. Твоим родным племянником. Кто я для тебя, Юйцзинь? Просто инструмент?

— Брат, что ты такое говоришь? Ты забыл, что отец и мать велели тебе оберегать меня всю жизнь?! — возмутилась она. — Что эта стерва тебе наговорила? Зови маму, я ей всё объясню!

— Я оберегал тебя, а ты разрушила мою жизнь. Из-за тебя мой сын пятнадцать лет скитался неизвестно где. Такую сестру я бы предпочёл никогда не знать. Запомни: никто не станет тебя вытаскивать. Ты ответишь по закону, и я лично прослежу за этим. А Минфэн была и останется моей женой.

Ему было невыносимо осознавать масштаб катастрофы. Он искал сына по всей стране, а преступница жила под одной крышей, пользуясь его защитой. Это было злой шуткой судьбы.

«Будь я на месте Минфэн или того ребёнка... я бы никогда не простил такого мужа и отца»

Цзян Хун развернулся, чтобы уйти. Юйцзинь снова забила в путах:

— Брат! Вернись! Ты обещал защищать меня! Ты не можешь вот так уйти!..

Но он даже не оглянулся.

Полицейские, ставшие свидетелями этого разговора, чувствовали бесконечное отвращение. Как эта женщина могла требовать защиты после того, что совершила? Интернет-пользователи не ошиблись: она действительно была чудовищем.

Её судьба была предрешена. В столичных кругах ей всегда завидовали: блестящее происхождение, любовь родителей, преданный муж... Но она сама превратила свою жизнь в пепел.

Причиной её ненависти к Ся Минфэн была лишь гордыня. Она считала, что девушка из простой семьи не ровня её брату. При этом сама она выбрала мужа, чей статус был ещё ниже, но своего Вэй Сянжуна она считала идеалом. Типичные двойные стандарты.

У выхода из управления губернатора уже поджидала толпа репортеров. Увидев его, они бросились вперед, выставив микрофоны.

— Господин губернатор, вы приехали ради Цзян Юйцзинь? Какова ваша позиция?

— Правда ли, что ваш сын был похищен по приказу родной сестры? Вы уже нашли его?

— На чьей вы стороне в этом конфликте — жены или сестры?

Начальник полиции хотел было оттеснить прессу, но Цзян Хун остановил его. Он понимал: нужно выразить свою позицию.

— Закон един для всех. Тот, кто совершил преступление, должен понести наказание. Никто не может стоять выше правосудия.

— Я глубоко потрясен и разгневан. Больше всего я раскаиваюсь в том, что не смог защитить своего ребенка.

— Я на стороне закона. Никакого кумовства не будет. Полиция должна как можно скорее разобраться в этом деле и должным образом информировать общественность.

***

Запись этого интервью мгновенно разлетелась по сети. Люди видели его лицо и понимали, какой удар он пережил. Ся Минфэн тоже видела этот эфир. Когда трансляция закончилась, её телефон зазвонил. На этот раз она приняла вызов и назвала адрес. Цзян Хун тут же приказал секретарю ехать к ней.

Он нашел её в тихой чайной при гостинице.

Когда-то они были любящей парой, но пятнадцать лет разлуки проложили между ними трещину. Мужчина знал, как ей тяжело, но не мог остановить её поиски. Он понимал: пока сын не будет найден, Минфэн не обретет покой.

Сейчас она выглядела куда старше своих лет. В темных волосах серебрились пряди седины. Глядя на неё, Цзян Хун ощущал невыносимую боль. Он тоже был виноват в том, что потакал преступнице.

Минфэн тоже разглядывала его. Виски мужа побелели, он заметно сдал. Её чувства были смешанными, но простить семью Цзян она всё ещё не могла.

— Минфэн, прости меня, — Цзян Хун сел напротив.

Она отвела взгляд.

— Поздно. Эти слова слишком запоздали.

— Я знаю. Я не смею просить о прощении. Я лишь хочу узнать... ты нашла его? Он в порядке?

Он не стал спрашивать в полиции, но по тону жены понял — мальчик жив. Если в сети нет новостей о нём, значит, Минфэн надёжно его прячет.

При упоминании сына женщина резко обернулась:

— Сын? Теперь ты вспомнил о сыне? Наш мальчик едва не погиб. Если бы не одна добрая семья, он бы замерз в лесу. Его могли растерзать дикие звери, и мы бы никогда не нашли даже его костей.

Её слова хлестнули его, как плеть. Он ненавидел Юйцзинь, но ещё больше ненавидел себя.

— Минфэн, я виноват. Я подвел нашего ребенка.

Она подняла голову, сдерживая рыдания. Она ненавидела Цзян Хуна, но знала, что и сама не заподозрила золовку до последнего. Вина лежала на них обоих.

Наконец она заговорила спокойнее:

— Чэньчэню повезло. Его нашли добрые люди и спасли за день до того, как ударили морозы. Они вырастили его как родного. Они небогаты, но воспитали его достойным человеком. Чэньчэнь очень старательный. Сейчас он в старших классах, в следующем году будет поступать в университет.

— Он знает правду о своём происхождении, но сейчас он не хочет признавать семью Цзян. Поэтому, пока он не закончит школу, не смейте его беспокоить. Эта семья вызывает у меня тошноту, и Чэньчэнь чувствует то же самое.

— Хорошо, — покорно согласился он. — Пусть будет так. Лишь бы он был в порядке.

В чайной воцарилась тишина. Им было больше не о чем говорить.

Секретарь Сун, стоявший за дверью, заволновался и осторожно приоткрыл дверь:

— Госпожа Ся, губернатору очень плохо. Когда он узнал новости, у него пошла кровь горлом, но он отказался ехать в больницу, чтобы успеть на самолёт...

— Я в порядке, — Цзян Хун тревожно взглянул на жену.

Ся Минфэн тяжело вздохнула:

— Мы оба в долгу перед Чэньчэнем. Не вздумай уйти в могилу, не выплатив его. Я встретила с тобой лишь для того, чтобы вы не вздумали беспокоить сына.

Цзян Хун вздрогнул. Жена знала, куда бить. Но он не мог её винить.

— Я всё понял. Обещаю, я не подпущу к нему родителей. А теперь я поеду в больницу. Я должен жить, чтобы хоть как-то загладить вину перед ним.

Он поднялся и вышел. Когда дверь закрылась, из комнаты послышались приглушённые рыдания. Он замер на мгновение, но так и не обернулся.

***

Старый господин Цзян и его старший сын вместе лежали в больнице. Это удерживало Старую госпожу Цзян подле них и не давало ей возможности мешаться в деле Юйцзинь.

Старик, узнав о позиции детей, лишь горько вздохнул. Как бы ему ни хотелось увидеть внука, он понимал: семья Цзян совершила чудовищную ошибку. Он до сих пор не мог осознать, что его собственная дочь стала причиной всего этого.

Вэй Сянжун пытался прорваться в больницу, но разъярённая старуха выставила его вон. Она искала виноватых и теперь вымещала зло на зяте.

Цзян Хун тоже отказался его принимать. Он не мог простить эту чету.

Суд над Цзян Юйцзинь прошёл быстро. Улики были неоспоримы, а она сама неоднократно признавалась в содеянном. Несмотря на усилия адвокатов, из-за тяжести преступления Юйцзинь приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения. Ван Чжаоди получила

такой же срок.

Цзян Юйцзинь не желала признавать вину и требовала апелляции, но для народа это стало поводом для ликования. Глядя на то, как она бушует перед камерами, все понимали: эта женщина ни капли не раскаивается. Её репутация была окончательно уничтожена.

<http://bllate.org/book/15835/1443291>